

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

**Мотив смерти в цикле И. С. Тургенева «Senilia» и в стихотворениях в прозе
В. М. Гаршина**

Научный руководитель – Сартаков Егор Владимирович

Бекбосынова Софья Мэлсовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
журналистики, Москва, Россия

E-mail: sofatihonovskaa505@gmail.com

Отражение мотивов жизни и смерти, намеченных И. С. Тургеневым в цикле «Senilia» (1878-1882), получили дальнейшее развитие в творчестве его младшего современника В. М. Гаршина.

Подобно тому как «Senilia» — это миниатюрные изображения действительности, которые сосредоточивают внимание на каком-то отдельном вопросе бытия, рассматриваемом не во взаимосвязи с другими, а обособленно, в стихотворениях в прозе Гаршина отразились те же мысли, характеризующиеся сильной сгущенностью содержания, с одной лишь разницей: в отличие от большинства тургеневских прозаических стихотворений, миниатюры Гаршина трудны в интерпретировании.

Их идейный смысл глубоко скрыт в сложной символической или же растворен в художественной ткани произведения, как это сделано в стихотворении «Она была милая девушка...». Помимо идеи миниатюры о том, что без веры нельзя жить: «Она ждала их смерти или победы и надеялась, что они принесут к ее ногам свои лавровые венки. Но ее старший сын не верил в это, камень давил его сердце, и он хотел умереть», в ней есть скрытый призыв к борьбе: «И друзья его, люди, желавшие добра народу, надеялись спасти его от тьмы и рабства и вывести на путь свободы». Кроме того, миниатюра построена на анти-тезическом синтезе «жизнь–смерть»: над скелетом с «вечною и страшною улыбкою» [1, 372-373] поет жаворонок песню воскрешения и свободы.

Большинство произведений цикла «Senilia», отражающих мысли о приближающейся смерти («Старуха», «Конец света», «Насекомое» и др.), написаны в форме сна, видения, фантазии – смерть предстает в аллегорических образах. В миниатюре Гаршина «Когда он коснулся струн смычком...» мотив смерти также предстает в форме видения, лирический герой под воздействием музыки представляет перед собой умирающего юношу: «... и под странные печальные звуки мне представлялась далекая картина. Я видел слабо освещенную комнату, в углу ее – постель...» [1, 373-374]. Стихотворение интересно своей контекстуальностью. Оно создано под впечатлениями Гаршина от концерта в пользу болезненного поэта и его близкого друга С. Я. Надсона.

В отличие от прозаического стихотворения Тургенева «Последнее свидание», которое контекстуально поразительно схоже с произведением «Когда он коснулся струн смычком» – Тургенев описывает здесь посещение им тяжело больного Некрасова на его петербургской квартире – образ умирающего у Гаршина не персонифицирован, он предстает в тексте мерцающим субъектом, деиндивидуализированной, размытой фигурой.

У Тургенева смерть чаще всего принимает образ женщины, стройной, высокой, в белом платье («Роза», «Последнее свидание») с сомкнутыми устами и закрытыми глазами, олицетворяющими неминуемость смерти [2, 47].

Гаршин не создает никакого переходящего образа, соединяющего жизнь со смертью, герой наблюдает со стороны за смертью юноши, видение к концу миниатюры растворяется, не став осязаемым. Интересно, как в «Последнем свидании» «высохший» мужской образ

контрастирует с его же «загоревшимися» в предсмертной агонии глазами [3, 146-147], в то время как «бледное лицо» юноши в стихотворении в прозе Гаршина также представляет противоположность его глазам, горящим большим пламенем.

Человек у Тургенева не пассивно покоряется судьбе, он борется со смертью – отмахивается от насекомого («Насекомое»), изменяет направление, уходя от развернутой могилы («Старуха»), но смерть все равно неминуема и неумолима, она лишает человека самого прекрасного и дорогого – жизни.

В стихотворении Гаршина «Юноша спросил у святого мудреца...» смерть существует внутри жизни, не исключая, а включая ее: «...показал ему отвратительную язву, разъедавшую его руку. А в это время гремели соловьи и вся Севилья была наполнена благоуханием роз» [1, 373-374]. Точно также образ смерти в миниатюре Тургенева «Мы еще повоюем!», выраженный ястребом, вписан в общий идейный смысл стихотворения, заключающийся в борьбе с унылым состоянием духа и жизненными неудачами: «И грустные думы тотчас отлетели прочь: отвагу, удаль, охоту к жизни почувствовал я. И пускай над мною кружит мой ястреб... Мы еще повоюем, черт возьми!» [3, 146-147].

Итак, жизнь и смерть осмысливаются Тургеневым и Гаршиным в сложном единстве и взаимодействии, мотив смерти в обработке Гаршина перекликается с созданным отражением смерти Тургеневым в цикле «Senilia», допуская различия на образном уровне: несмотря на то что смерть предстает видением перед лирическим героем Гаршина, он не пробует создать для нее аллегорический образ.

Источники и литература

- 1) Гаршин В.М. Сочинения. М., 1955; [ред. М. В Морозова]
- 2) Земляковская А.А. Лирический дневник последних лет И. С. Тургенева. Мичуринский государственный педагогический институт, 2007
- 3) Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.]; Т. 10. Повести и рассказы 1881-1883; Стихотворения в прозе, 1878-1883; Произведения разных годов . М., 1982.